

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ ФЕДОРОВИЧА ЛИШИНА

1830—1831.

Помѣщаемый вслѣдъ за симъ интересный рассказъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта Андрея Федоровича Лишина весьма обязательно сообщенъ имъ въ архивъ «Русской Старины» 20-го іюля 1870 г., въ которомъ и хранился, среди множества другихъ матеріаловъ, воспоминаній и записокъ, болѣе двадцати лѣтъ.

Въ 1889 году, въ «Русской Старинѣ», томъ LXIV, книга ноябрь, въ своихъ посмертныхъ обширныхъ и любопытныхъ запискахъ генер. отъ инфантеріи А. А. Одинцова, перечисляя (стр. 318) офицеровъ, составлявшихъ въ 1830 г. интеллигенцію лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, находившагося тогда въ Варшавѣ, называлъ, между другими, поручика Андрея Федоровича Лишина и подпоручика Николая Викт. Веригина.

По поводу этихъ именъ сдѣлано тамъ же слѣдующее примѣчаніе:

«Въ архивѣ «Русской Старины» имѣются, между прочими, съ 1870 г. и будутъ напечатаны Записки А. Ф. Лишина и Н. В. Веригина. Оба они уже покойники».

Вслѣдъ за выходомъ ноябрьской книги, редакція «Русской Старины» получила слѣдующее письмо:

— «Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 года, въ запискахъ А. А. Одинцова (стр. 318), помѣщенъ списокъ гг. офицеровъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, въ числѣ которыхъ А. Ф. Лишинъ въ выноскѣ показанъ покойникомъ и что его статья, находящаяся въ архивѣ «Русской Старины» съ 1870 года, будетъ напечатана.

«Находясь въ живыхъ, я прошу глубокоуважаемаго редактора «Русской Старины» доставить мнѣ удовольствіе самому прочесть мою статью.

«Состоящій по запаснымъ войскамъ генералъ-лейтенантъ А. Ф. Лишинъ. Спб., Фонтанка, 113».

Есть повѣрье, что кого заживо называютъ покойнымъ, тотъ проживеть многіе и многіе годы. Горячо желаемъ Андрею Федоровичу прожить еще долгіе годы на радость его близкимъ, изъ которыхъ четверо или пятеро его сыновей уже давно состоятъ въ чинахъ генеральскихъ, и къ удовольствію многихъ его почитателей...

Посѣтивъ Андрея Федоровича, мы, не видавши его съ 1870-го года, встрѣтили въ немъ бравого, почти девяностолѣтняго старика, внимательнаго читателя и почитателя «Русской Старины» съ самаго основанія этого изданія, человѣка съ свѣтлою памятью и съ бодрыми для его лѣтъ силами. Въ обстановкѣ генерала многое напоминаетъ вѣкъ Александра I-го: на стѣнахъ прекрасныя гравюры прощанія Наполеона съ гвардіей, возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, превосходный живописный портретъ цесаревича Константина Павловича, — портретъ, поступившій отъ лица весьма близкаго къ цесаревичу, князя Ивана Александровича Голицына (Jean de Paris), на дочери котораго былъ женатъ А. Ф. Лешинъ; очень характерный портретъ перомъ, исполненный тушью, цесаревича Константина Павловича верхомъ, въ день оставленія Варшавы 18-го (30-го) ноября 1830 г., и проч. Этотъ послѣдній портретъ будетъ приложенъ къ «Русской Старинѣ» въ гравюрѣ художника И. И. Матюшина.

Вотъ нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ біографіи А. Ф. Лешина, каковыя вполнѣ у мѣста въ предисловіи къ разсказу изъ его воспоминаній о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1830—1831 годахъ.

Андрей Федоровичъ родился 26-го мая 1801 года, въ Черниговской губерніи. Послѣ домашняго обученія и у гувернера француза, Лешинъ былъ опредѣленъ въ университетскій благородный пансіонъ, въ Москвѣ, подъ руководство извѣстнаго директора этого прекраснаго въ свое время учебнаго заведенія Прокоповича-Антонскаго. Русской словесности Лешинъ обучался у профессора А. Ф. Мерзлякова; языки иностранныя преподавались въ пансіонѣ хорошо, латинскому языку обучали старательно... Въ 1817 г., окончивъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ, А. Ф., по приглашенію одного изъ братьевъ своихъ, Николая, одного изъ участниковъ 1812 года, опредѣлился въ военную службу; хотѣлъ онъ поступить въ гвардію или кавалерію, но этого не случилось и А. Ф. попалъ въ 49-й егерскій полкъ, стоявшій въ Волинской губерніи, въ Острогѣ, и поступилъ подъ команду весьма дѣльнаго и строгаго служакки — полковника Пяткина. Это было въ 1819 году.

Въ іюлѣ 1820 г. Лешинъ произведенъ въ офицеры въ Житомирскій пѣхотный полкъ.

Въ бытность полка во Владимірѣ-Волинскомъ, въ 1821 г., про-

взжалъ чрезъ городъ императоръ Александръ Павловичъ, на возвратномъ пути съ Веронскаго конгресса. Подпоручикъ Лишинъ, статный, красивый, рослый молодой человѣкъ, былъ назначенъ на ординарцы къ государю, и вотъ А. Ѳ. своею ловкостью и знаніемъ фронтовой службы обратилъ на себя высочайшее вниманіе. Государь распросилъ Лишина о томъ: изъ какой онъ губерніи, гдѣ получилъ воспитаніе, давно-ли офицеръ и вообще сказалъ молодому офицеру нѣсколько пріятныхъ словъ съ тою ласкою и очаровательною улыбкою, которыя были такъ плѣнительны въ этомъ государѣ. Лишинъ обратилъ затѣмъ на себя вниманіе и ближайшаго начальства. Воспитанникъ университетскаго пансіона, онъ говорилъ по французски, что особенно нравилось начальнику дивизіи, генералу Ѳедору Григорьевичу Гогелю (сынъ котораго впоследствии былъ въ Царскомъ Селѣ), въ семействѣ котораго преобладалъ языкъ французскій. Гогель, въ февралѣ 1822 г., взялъ къ себѣ Лишина въ адъютанты; шесть лѣтъ спустя, генералъ умеръ на рукахъ своего любимаго адъютанта (27-го апрѣля 1827 г.)... Во все время службы при Гогелѣ, молодой Лишинъ былъ посылаемъ съ многими секретными порученіями: для наблюденія за волненіемъ умовъ, въ виду событій 1825—1826-хъ годовъ; для собиранія свѣдѣній о мисіонерахъ, о массонахъ; для арестованія игроковъ, также нѣкоторыхъ именитыхъ поляковъ (гр Мошинскаго), для производства нѣкоторыхъ слѣдствій и проч. ¹⁾ Нерѣдко съ докладами о собранныхъ свѣдѣніяхъ Лишинъ являлся къ цесаревичу Константину Павловичу въ Варшаву. Впоследствии нѣкоторое время Лишинъ состоялъ адъютантомъ при начальникѣ корпуса, графѣ Ожаровскомъ, до выхода того, въ виду нерасположенія цесаревича Константина Павловича, въ отставку. Послѣ того Лишинъ переведенъ былъ въ Варшаву и, милостиво принятый цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба графу Д. Д. Куруту, который, по волѣ цесаревича, ввѣрилъ подъ команду А. Ѳ. Лишина сформированный въ Варшавѣ баталіонъ кантонистовъ. Баталіонъ составилъ изъ назначенныхъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ распоряженіе его августѣйшаго брата Константина нѣсколькихъ сотенъ (до 500 человѣкъ, отъ 13 до 20 лѣтъ) солдатскихъ дѣтей изъ разныхъ баталіоновъ, преимущественно изъ городовъ Западной Россіи..

¹⁾ Между прочимъ, 11-го и 20-го января 1826 г. Лишину были даны секретныя порученія отъ начальника дивизіи Гогеля собрать свѣдѣнія о происшествіи въ Черниговскомъ полку, о томъ влияніи, какое это происшествіе имѣло на жителей и войска 1-й и 2-й армій, о состояніи умовъ во 2-й арміи, о произведенныхъ арестахъ... Лишинъ представилъ обо всемъ этомъ личный докладъ въ Варшавѣ цесаревичу Константину Павловичу.

Лішинъ командовавъ этимъ баталіономъ пять, шесть лѣтъ и успѣлъ приобрѣсти любовь, уваженіе и беззаветную преданность своихъ питомцевъ. Онъ не прибѣгалъ къ тогдашней системѣ обученія: молодой офицеръ—онъ не зналъ палки,—и его доброе, высоко нравственное руководство принесло прекрасные плоды: вспыхнула кровавая польская смута и на самомъ очагѣ возстанія, кантонисты, подчиненные А. О. Лішину, взятые въ плѣнъ, не измѣнили, не одинъ изъ нѣсколькихъ сотенъ, долгу присяги... Фактъ въ высшей степени замѣчательный, впоследствии официально подтвержденный... Но пусть расскажетъ объ этомъ, воплѣвъ достопамятнѣмъ, годѣ въ своей жизни самъ старикъ генералъ Андрей Федоровичъ Лішинъ.

Ред.

I.

Служа въ войскахъ, находившихся въ г. Варшавѣ, подъ начальствомъ цесаревича и великаго князя Константина Павловича, лейбъ-гвардіи въ Литовскомъ полку, и пользовавшись его милостивымъ вниманіемъ и довѣренностію, я, состоя адъютантомъ при начальникѣ главнаго штаба его высочества, графѣ Курутѣ, имѣлъ особенное порученіе быть начальникомъ отдѣленія военныхъ кантонистовъ, избранныхъ изъ кіевскаго, псковскаго, витебскаго, смоленскаго и херсонскаго отдѣленій и поступившихъ въ распоряженіе его высочества. Возрастъ ихъ былъ отъ 13 до 20 лѣтъ, числомъ до 500; воспитаніе ихъ было предметомъ особыхъ заботъ блаженныя памяти государя цесаревича. Изъ взрослыхъ былъ составленъ баталіонъ, который въ приѣмахъ и фронтовомъ ученьи не уступалъ лучшему изъ гвардейскихъ полковъ; находясь при нихъ въ продолженіе 5-ти лѣтъ, я удостоивался особеннаго расположенія моего начальства, и какъ наука, такъ и поведеніе сихъ молодыхъ людей всегда обращали лестное на нихъ вниманіе. Въ помощь мнѣ было прикомандировано 4 офицера гвардейскихъ полковъ — л.-гв. Литовскаго подпоручики: Красинскій и Забѣлло и л.-гв. Волынскаго подпоручики: Грушецкій и Каменскій. Лагерь мы занимали 2-го егерскаго польскаго полка, содержавшаго караулъ въ крѣпости Замостьѣ; расположены были въ баракахъ и трехмѣсячное пребываніе наше въ лагеряхъ не тяготило насъ, но,

напротивъ, доставляло удовольствіе; все дѣлалось по волѣ его высочества и, кромѣ похвалы и одобреній, никогда косой взглядъ начальства насъ не тревожилъ. Поведеніе сихъ молодыхъ людей было безпримѣрно, нравственность самая чистая, и нахожденіе при нихъ я считаю счастливѣйшимъ временемъ въ моей жизни.

Обучали ихъ математикѣ, исторіи, географіи, артиллеріи и полевой фортификаціи чиновники, особливо избранные, по приказанію цесаревича; устроеніе учебнаго порядка поручено было чиновнику 6-го класса Фовицкому 1-му, состоявшему при его высочествѣ.

Императоръ Николай Павловичъ, въ бытность свою въ Варшавѣ, въ 1829 г., неоднократно удостоивалъ молодыхъ людей своимъ посѣщеніемъ, равно также извоилъ дѣлать смотръ во всѣхъ частяхъ фронтальной службы и, нашедши ихъ отлично знавшими свое дѣло, изъявлялъ лично свое удовольствіе его высочеству, какъ отцу и основателю сего заведенія; я при этомъ удостоился получить чинъ за отличіе, годовой окладъ жалованья и его величество, удостоивъ меня поцѣлуя, сказалъ:

— „И тебя прошедшій годъ благодарилъ и теперь благодарю; старайся, чтобъ братъ тобою всегда былъ доволенъ“.

II.

Порядокъ и спокойствіе въ Варшавѣ были нарушены несчастнымъ происшествіемъ, послѣдовавшимъ 1830 г. ноября 17-го (29-го) дня, по безразсудности горсти молодыхъ людей, и погрузило насъ всѣхъ въ величайшую горестъ и уныніе. Получа приказаніе чрезъ гонца, отправленнаго изъ Бельведера, кругомъ Варшавы (по причинѣ невозможности проѣхать чрезъ городъ), не трогаться съ мѣста, въ надеждѣ скорого восстановленія порядка, и не имѣя никакой возможности (имѣвъ малолѣтнихъ на отвѣтственности) слѣдовать съ войсками, расположенными въ другомъ отдѣленіи Александрійскихъ казармъ, мы были арестованы отобраніемъ оружія, находившагося при кантонистахъ старшаго возраста, равно и отъ офицеровъ, при нихъ состоявшихъ, которые были оставлены при отдѣленіи, съ сохраненіемъ занимаемыхъ

ими должностей. При беспорядкахъ, происходившихъ въ городѣ, многія изъ русскихъ семействъ, полагая казармы безопаснѣйшимъ для укрытія мѣстомъ, оставя свои квартиры, приходили къ намъ искать спасенія отъ буйной толпы; всѣ мы помѣщались въ одной комнатѣ, мужчины, дамы, дѣти, и съ трепетомъ ожидали участи нашей, ежеминутно слыша объ убійствахъ, происходившихъ въ городѣ. Генералы: Гауке, Трембицкій, Брюмеръ, Симантовскій, Новицкій были убиты,—Брюмеръ былъ прострѣленъ шестнадцатью пулями; оружіе въ арсеналѣ было все разобрано, схваченные на улицѣ офицеры посажены были на гауптвахту, близъ арсенала, гдѣ было самое сильнѣйшее буйство; въ числѣ арестованныхъ былъ генералъ Энгельманъ, командиръ лейб-гвардіи Литовскаго полка; пьяный солдатъ, возлѣ него сѣвъ и куря трубку, пускалъ дымъ прямо на него, говоря, что теперь всѣ равны, и предлагая ему курить; академики вбѣжали на гауптвахту съ извѣстіемъ, что будто бы полкъ Литовскій перешелъ на ихъ сторону, и Энгельману предлагали имъ командовать.

— „Согласитесь, и мы васъ съ восторгомъ понесемъ на рукахъ“.

— „Дерзкіе, отвѣчалъ генералъ, — можете-ли вы русскому дѣлать такія предложенія! вы меня не увѣрите, чтобы русскій солдатъ оподлилъ себя измѣною; развѣ онъ не умѣетъ десять разъ умереть и не посрамить своего имени,—но допуская и это, меня вы ничѣмъ не заставите сдѣлать этого низкаго поступка“.

Чернь, узнавши, что на гауптвахтѣ содержатся русскіе офицеры, выламывала двери, съ намѣреніемъ вырѣзать офицеровъ, но майоръ Киндлеръ, который совершенно противъ воли долженъ былъ тамъ находиться, защищалъ съ твердымъ духомъ нашихъ плѣнныхъ, подвергая даже самъ себя народной ярости и, видѣвши неминуемую для нихъ опасность, далъ знать Хлопицкому, который и приказалъ за сильнымъ конвоемъ перевести всѣхъ въ замокъ.

Въ самомъ жалкомъ положеніи оставались мы въ казармахъ болѣе двухъ недѣль, не имѣя сообщенія съ городомъ и, по невозможности достать что-либо для пищи, мы обыкновенно ѣли изъ одной чашки съ кантонистами. Наконецъ, посѣтилъ насъ бывшій въ то время генералъ-губернаторъ Шембекъ, кото-

рый засталъ многихъ изъ нашихъ дамъ съ кускомъ чернаго хлѣба въ рукахъ и, видя наше положеніе, приказалъ каждому изъ насъ отпускать порцію кантониста, уменьшенную противъ прежняго въ половину; на спросъ нашъ, что съ нами будетъ, онъ старался увѣрить насъ въ безопасности, но на увѣреніе его трудно было положиться, смотря на безпрестанныя своевольства и грабежъ, происходившіе въ городѣ, о которыхъ слухи до насъ доходили чрезъ людей, привозившихъ продовольствіе, равно и чрезъ польскихъ офицеровъ, которые рассказывали о своей вольности съ большимъ чванствомъ и, подъ видомъ участія, болѣе только огорчали насъ своимъ хвастовствомъ и пренебреженіемъ, увѣряя, что духъ народный превозможетъ силу и что они надѣются чрезъ двѣ недѣли быть въ Кіевѣ.

Его высочество съ войскомъ нашимъ отступилъ изъ Мокотова, съ намѣреніемъ слѣдовать въ границы Россіи; тогда, кромѣ офицеровъ, начали пріѣзжать партикулярные люди и академики, съ намѣреніемъ развратить молодыхъ людей, заставить ихъ забыть свой долгъ и вступить въ польскую армію; но всѣ ихъ предложенія отвергнуты съ пренебреженіемъ; --- одинъ изъ академиковъ съ пистолетомъ въ рукахъ требовалъ, чтобы я сдѣлалъ предложеніе молодежи вступить въ польское войско. На отвѣтъ мой, что мы всѣ находимся подъ протекціей диктатора и что я отъ него не имѣю никакихъ распоряженій на счетъ подобнаго предпріятія, онъ остановилъ меня, говоря, что они всѣ будутъ въ нашихъ рукахъ и проворчалъ сквозь зубы: *Huntswo! Moskai.*

Съ нами находился священникъ и мы, неоднократно собравшись въ залѣ, съ колѣнопреклоненіемъ и слезами умоляли Всевышняго объ отклоненіи отъ насъ руки мятежниковъ. Въ такомъ положеніи заставляли насъ многіе изъ поляковъ; благомыслящіе брали участіе въ нашемъ положеніи, а другіе, напротивъ, угрожали, говоря, что ни одинъ изъ русскихъ не выйдетъ живой изъ Варшавы. Въ это время мы были въ величайшей опасности, городъ весь былъ наполненъ толпами вооруженныхъ, которые стрѣляли на воздухъ, хвастая поминутно, что они всѣхъ русскихъ сотрутъ въ порошокъ; чернь, узнавши, что мы находимся въ казармахъ, неоднократно собиралась съ неблагопріятнымъ для насъ намѣреніемъ; разграбили совершенно

казармы, гдѣ стояли русскіе полки, и все тамъ найденное продавали; грабежъ сей, доставя имъ разсѣяніе, отвлекъ ихъ отъ настоящей ихъ цѣли; дальнѣйшихъ нападеній, они не дѣлали на наши казармы, полагая, что вся молодежь съ удовольствіемъ перейдетъ въ ихъ войска и, прежде времени, называли ихъ своими.

Преслѣдованія продолжались; командиръ „народовой“ гвардіи, графъ Юзефъ Красинскій, пріѣхалъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ пошелъ дѣлать предложеніе кантонистамъ вступить въ ихъ войска; я ему отвѣтилъ, что не могу препятствовать въ его намѣреніи ихъ уговаривать, но самъ не пойду, присовокупивъ, что эти молодые люди имѣютъ въ рядахъ русскаго войска своихъ отцовъ и что они, съ младенчества вскормленные попеченіемъ благодѣтельнаго нашего правительства и будучи ему обязаны всѣмъ своимъ существованіемъ, не окажутся неблагодарными за всѣ попеченія правительства и не сдѣлаютъ такого низкаго поступка.

— „Вѣрьте, что эта молодежь, о нравственности которой столько заботилось начальство, не такого духа, какъ вы полагаете; предложенія ваши ихъ не обольстятъ, долгъ свой къ государю и отечеству они ставятъ выше всего, и я не ручаюсь даже, чтобы они вамъ не сдѣлали какой-нибудь грубости за предложеніе, которое вы намѣреваетесь имъ сдѣлать“.

Такъ отклонилъ я, на этотъ разъ, намѣреніе Красинскаго. Желаніе-же сбить питомцевъ монахъ съ пути побудило поляковъ объявить имъ, что они всѣ свободны и могутъ выходить въ городъ, когда угодно—но никто не воспользовался симъ позволеніемъ.

Чтобы дать лучшее понятіе о нравственности и духѣ сихъ молодыхъ людей, привожу выписку изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ № 284, 1831 г. декабря 3-го дня, гдѣ опубликовано о нихъ (въ перепечаткѣ изъ „Русскаго Инвалида“) слѣдующее:

«Похвальное поведеніе російскихъ военныхъ кантонистовъ, оставшихся въ Варшавѣ при выступленіи изъ сего города войскъ нашихъ въ началѣ мятежа, отчасти извѣстно уже изъ публичныхъ листовъ того времени. Нынѣ получены офіціальныя объ ономъ донесенія, основанныя на показаніяхъ мѣстныхъ начальствъ и на свидѣльствѣ очевидцевъ, полное довѣріе заслуживающихъ.

«Дѣтей снѣ оставалось въ Варшавѣ до 500 разнаго возраста въ особомъ заведеніи, учрежденномъ для воспитанія и образованія ихъ подѣ непосредственнымъ попеченіемъ и наблюденіемъ блаженной памяти государя цесаревича и при щедромъ пособіи его высочества.

«Мятежное правительство первоначально не прерывало установленнаго въ томъ заведеніи порядка занятій и кантонистовъ оставило подѣ надзоромъ собственнаго ихъ начальства; вскорѣ, однако, предусматривая возможность употребить ихъ съ пользою въ рядахъ новобраннаго своего войска, оно вознамѣрилось склонить къ добровольному вступленію въ оное всѣхъ достигшихъ 15-ти лѣтняго возраста и выше, большею частію хорошо для службы приготовленныхъ. На сей конецъ прислались къ нимъ польскіе офицеры и академики, которые соблазняли ихъ ко вступленію въ службу мятежниковъ разнаго рода обольщеніями, но кантонисты съ негодованіемъ постоянно отвергали льстивыя ихъ предложенія. Столь-же мало подѣйствовали на нихъ угрозы и наказанія самыя изнурительныя, какъ-то: сокращеніе и лишеніе пищи въ продолженіе нѣсколькихъ дней, и сѣ молодые люди въ непоколебимой вѣрности своей единогласно отзывались соблазнителямъ и мучителямъ своимъ, что готовы умереть, но не измѣнить своему государю.

«Приписывая столь необыкновенную въ дѣтихъ твердость влиянію надѣ ними ихъ начальниковъ, мятежники сочли нужнымъ оглучить отъ нихъ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, а самихъ кантонистовъ старшаго возраста, въ видѣ военно-плѣнныхъ, отправить изъ Варшавы въ южную часть Польши, надѣясь, что, предоставленные самимъ себѣ, они покорятся ихъ волѣ; но кантонисты сѣ, видя опасность таковаго положенія своего, по собственному побужденію избрали изъ среды своей старшихъ, кои въ продолженіе пути и плѣна строго и со всею точностію повиновались.

«Изъ снѣ старшихъ особенною довѣренностію кантонистовъ пользовался товарищъ ихъ Петръ Васильевъ, котораго благоразумными совѣтами они съ сѣ время наиболѣе руководствовались и до конца остались вѣрными своему долгу при всѣхъ истязаніяхъ, кои непрерывно подвергались. Здѣсь сообщаются нѣкоторые изъ ихъ поступковъ, особенное вниманіе заслуживающіе и доказывающіе истинный духъ народа русскаго.

«На пути слѣдованія кантонистовъ изъ Варшавы, подѣ стражею кракусевъ, составлявшихъ конвой ихъ, они прибыли въ г. Новое-мѣсто, гдѣ въ то время революціонное правительство дѣятельно занималось формированіемъ новыхъ полковъ; польскіе офицеры, для сего тамъ находившіеся, льстивыми разспросами узнали отъ самихъ кантонистовъ, что между ними есть 48 человекъ хорошо обученныхъ сарабанщиковъ; нуждаясь въ барабанщикахъ для полковъ своихъ, офицеры сѣ вознамѣрились воспользоваться ими и для сего вывели кантонистовъ на городскую площадь, построили ихъ во фронтъ, который окружили вооруженными косинерами, и требовали, чтобы барабанщики вышли

изъ фронта и построились отдѣльно отъ онаго, но кантонисты, проникнувъ злое намѣреніе мятежниковъ, мгновенно смѣшались въ одну толпу, и ни убѣжденія и ни угрозы офицеровъ не могли понудить ихъ построиться опять во фронтъ, или наименовать отыскиваемыхъ барабанщиковъ. Наконецъ, одинъ кракусъ, замѣтивъ кантониста Ивана Фоеваго, въ прежнемъ разговорѣ назвавшего себя барабанщикомъ, вырвалъ его изъ среды толпы и, уличая его въ показаніи, о себѣ сдѣланномъ, обнажилъ палашъ и грозилъ отсѣчь ему голову, если онъ не сознается тотчасъ и не покажетъ требуемыхъ товарищей. Фоевой немедленно снялъ галстуиъ, откинулъ воротникъ и, наклонивъ голову, сказалъ ему: «руби». Фоеваго отлучили отъ товарищей, посадили подъ арестъ и, выдержавъ подъ онымъ два часа, выпустили, не тревожа болѣе и другихъ. Кантонистъ сей, имѣющій отъ роду 19 лѣтъ, родомъ изъ Черниговской губерніи.

«Изъ Нового-лѣста кантонисты прибыли въ м. Држевицу, принадлежащее помѣщику барону Райскому. Дружелюбный пріемъ, сдѣланный имъ сими помѣщикомъ, неслестно цѣнившимъ доблестное ихъ поведеніе, показался имъ новымъ покушеніемъ совратить ихъ съ пути долга и чести.

«Они ни подъ какимъ видомъ не соглашались пить предложенной имъ по причинѣ стужи и ненастья водки, и отправились въ дальнѣйшій путь, подкрѣпивъ себя нѣсколько пищею, симъ помѣщикомъ имъ въ изобиліи приготовленною.

«Изъ г. Енджеева, куда окончательно помѣстили нѣкоторое число кантонистовъ, они рѣшились избавиться отъ плѣна бѣгствомъ и удалиться въ Пруссію, отъ границы коей Енджеевъ удаленъ на 12 миль, но для сего надлежало сразиться съ косинерами, подъ стражею коихъ находились. Кантонисты мужественно и на то рѣшились и, напавъ на нихъ съ колыями, коиими они предварительно нашли случай вооружиться, счастливо удалились изъ Енджеева, оставивъ на мѣстѣ убитыми и ранеными 7 человекъ своихъ товарищей: остальные, въ числѣ 44, пробираясь лѣсомъ и проселочными дорогами и подвергаясь всякаго рода недостаткамъ, прибыли, наконецъ, на прусскую границу, гдѣ въ виду прусскихъ форпостовъ вновь должны были вступить въ бой съ польскими крестьянами, препятствовавшими свободному ихъ переходу.

«Всѣ сіи кантонисты удостоены всеимпостивѣйшаго денежнаго награжденія, въ особенности-же кантонисты Петръ Васильевъ и Иванъ Фоевой; сверхъ того, первый изъ нихъ произведенъ сего императорскимъ величествомъ въ фельдфебеля, а послѣдній въ унтеръ-офицеры.

«Его императорское величество изволилъ обратить высочайшее вниманіе на заслуги ближайшаго начальства кантонистовъ варшавскаго отдѣленія, видя въ подвигахъ, ими оказанныхъ, плоды трудовъ и неуспынныхъ попеченій, о добромъ ихъ образованіи приложенныхъ. Утвержденное въ юныхъ сердцахъ ихъ чувство истинной любви и преданности къ государю и отечеству вѣрно и не-

ошибочно руководило ихъ къ прямому исполненію священныхъ обязанностей вѣрноподданнаго посреди многоразличныхъ испытаній, коимъ они подвергались.

«Посему справедливость требуетъ упомянуть здѣсь съ особенною похвалою о поручикѣ л.-гв. литовскаго полка Лишинѣ, завѣдывавшемъ всѣми отдѣленіями варшавскихъ кантонистовъ подъ особеннымъ наблюденіемъ бывшаго начальника главнаго штаба его императорскаго высочества цесаревича, генерала отъ инфантеріи графа Куруты, при коемъ поручикъ Лишинъ состоялъ адъютантомъ, и о чиновникѣ 6-го класса Фовицкомъ 1-мъ, бывшимъ инспекторомъ классовъ въ школахъ сихъ кантонистовъ».

III.

Поляки, полагая, что я служу препятствіемъ переходу молодыхъ людей въ ихъ войска, назначили командиромъ ихъ капитана Шаевского, служившаго прежде въ 7-мъ линейномъ полку, я же получилъ повелѣніе въ 24 часа оставить казармы. Жена моя рѣшилась идти къ Хлопицкому (съ которымъ отецъ ея былъ знакомъ) и просить, чтобы онъ насъ отпустилъ въ Россію; онъ отвѣчалъ, что онъ теперь не имѣетъ права, потому что это послѣдній день его диктатуры. Переодѣвшись въ партикулярное платье, я пошелъ къ губернатору Войчинскому представить ему невозможность въ 24 часа перейти съ семействомъ въ другое мѣсто; онъ мнѣ отвѣчалъ, что „этого требуютъ и вы должны исполнить; вы знаете, чѣмъ въ военное время наказывается ослушаніе“. Проходя обратно чрезъ канцелярію генералъ-губернатора, я увидѣлъ, что возлѣ каждаго стола сидѣлъ академикъ для наблюденія хода дѣлъ въ ихъ духѣ.

Возвратясь въ казармы, я просилъ позволенія новаго начальника попрощаться съ своими питомцами, пришелъ къ нимъ и на слова мои: „братья, меня съ вами разлучаютъ“, всѣ зарыдали горькими слезами и хотѣли идти всѣ со мною; я при этомъ не могъ остаться равнодушнымъ, видя ихъ душевную къ себѣ преданность, припомнилъ имъ ихъ обязанность и съ трудомъ отъ нихъ могъ освободиться, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ плачемъ и рыданіями.

10 (22) февраля 1831 г. мнѣ приказано было идти подъ арестъ въ Крулевскій замокъ, гдѣ содержались наши офицеры, захваченные измѣннически въ первый день происшествія. пригото-

вивъ квартиру для жены вмѣстѣ съ женою Фовицкаго 2-го, въ домѣ Качковскаго на Новомъ свѣтѣ, я отправился подъ арестъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, приходитъ къ намъ сынъ обывателя Варды, хозяина дома, гдѣ я прежде квартировалъ, и говоритъ мнѣ, что-де „ваша жена переѣхала къ намъ“, и отдалъ мнѣ отъ нея записку.

Я спрашиваю причину, онъ не рѣшается сказать, наконецъ, со слезами въ глазахъ, открылъ мнѣ, что отецъ его и мать, желая оказать намъ услугу, „послали меня просить жену вашу переѣхать къ намъ для безопасности; потому что эта ночь назначена для истребленія всѣхъ русскихъ, находящихся въ плѣну, и что скрыться нигдѣ невозможно; даже въ погребахъ будутъ искать“. На спросъ мой, на чемъ онъ основывается, отвѣчалъ, что „на улицахъ поминутно собираются толпы и рѣшительно говорятъ, что сегодняшнюю ночь будутъ непременно вырѣзаны всѣ русскіе!“ Въ то время русскія войска были близъ Праги и поляки опасались, что, въ случаѣ взятія Варшавы, мы объявимъ имена всѣхъ главнѣйствующихъ; кромѣ того, по ненависти своей къ русскимъ, хотѣли всѣхъ находящихся въ ихъ рукахъ уничтожить по примѣру 1793 года.

„Старайтесь, какъ можно, прибавилъ сынъ Варды, уйти къ намъ: мы васъ спасемъ“. Не имѣя возможности выйти изъ замка и спастись какимъ-либо образомъ, мы предоставили себя волѣ Божіей и ожидали съ трепетомъ своей участи,—всю ночь провели въ ужасномъ безпокойствѣ, прислушиваясь къ шуму, который въ продолженіе цѣлой ночи былъ на улицѣ.

Провидѣнію угодно было отворить отъ нихъ злодѣйское намѣреніе и хотя нѣсколько разъ принимались ломать ворота въ замокъ, но будучи развлечены разными болѣе для нихъ важными предметами, перестали заниматься нами. Съ какимъ восхищеніемъ мы увидѣли утро, проведши ночь въ такомъ ужасѣ. На другой день жена моя пошла къ военному генералъ-губернатору Войчинскому просить позволенія быть со мною вмѣстѣ въ замкѣ, ей не отказано и мы помѣстились съ нею въ комнатѣ едва-ли больше квадратной сажени, прислуживая сами себѣ и терпя во всемъ большую нужду.

Поляки, занимаясь устройствомъ своихъ войскъ, формированіемъ новыхъ, не забывали при всемъ этомъ дѣлать намъ не-

удовольствія. Въ одинъ день получаемъ мы предложеніе, написанное самымъ дурнымъ и неправильнымъ русскимъ языкомъ, присутствовать въ русской церкви (что на Подвалѣ) при служеніи панихиды о погибнувшихъ за вольность русскихъ въ 1826 г.; мы просили насъ избавить отъ этой церемоніи, но они сказали, что генералъ Рихтеръ непремѣнно будетъ и приказалъ намъ быть, а генералу сказали, что мы всё будемъ; желаніе ихъ не исполнилось—никто изъ насъ, а конечно и Рихтеръ, не пошли.

Сдѣланъ былъ черный гробъ, на которомъ вырѣзаны на мѣди имена четырехъ главныхъ зачинщиковъ, постыдно казненныхъ; хотѣли, чтобы русскій священникъ служилъ панихиду, но этотъ благоразумный челоѣкъ скрывался въ продолженіе нѣсколькихъ дней на чердакѣ, безъ пищи, чтобы только не исполнить ихъ пустой прихоти, и они при всѣхъ стараніяхъ никакъ не могли его найти.

Рѣшили, чтобы вмѣсто русскаго священника служилъ базилянъ, — приносить съ церемоніею гробъ къ церкви, которая была заперта; они отломали дверь и начали служеніе; по окончаніи носили гробъ по улицамъ всё въ траурѣ; сзади гроба шелъ баталіонъ академиковъ ружье на погребеніе, на перекресткахъ улицъ останавливались, профессора произносили приличные обстоятельству рѣчи (ширма) и наконецъ гробъ внесли въ университетъ; что съ нимъ сдѣлалось послѣ—намъ не было извѣстно.

Въ клубахъ своевольства были безпримѣрныя: опорочивали дѣйствія Хлопицкаго въ журналахъ самымъ чернымъ перомъ; между тѣмъ, ежели русскіе, взятые въ плѣнъ, остались живы, то единственно обязаны Хлопицкому, который, во время ихъ своевольствъ и разбоевъ, одинъ только могъ имѣть на нихъ вліяніе по уваженію, которое они къ нему имѣли за прежнюю его службу; при началѣ происшествія онъ скрывался и никакъ не хотѣлъ быть начальникомъ этой безразсудной толпы; но когда анархія дошла до сильнѣйшей степени, такъ что кто кого хотѣлъ могъ повѣсить на первомъ фонарѣ, имѣя какую-нибудь личность и назвавъ его только *zdгајса*,—люди, вполне не раздѣлявшіе сихъ беспорядковъ, упросили Хлопицкаго взять въ руки правленіе и онъ противъ воли долженъ былъ для общей пользы сдѣлаться ихъ диктаторомъ и устроить по возможности порядокъ. Дѣйствія

его, вклонившіяся къ успокоенію происшествія безъ пролитія крови, раздражали противъ него буйныя головы, и всѣ рѣшились смѣнить диктатора и отдать власть въ руки князя Михаила Радзивила. Хлопицкій надѣлъ партикулярное платье и пошелъ къ себѣ домой; толпа, огорченная его равнодушіемъ, собирается къ нему съ крикомъ: повѣсить! Генераль Шембекъ вышелъ и сказалъ толпѣ, что Хлопицкій предается суду и ежели дѣйствительно найдутъ его виновнымъ, то желаніе ихъ исполнится; толпа разошлась, но на другой день вновь увидала Хлопицкаго на улицѣ. Не взирая на буйственное противъ него раздраженіе толпы, Хлопицкій съ спокойною совѣстью смотрѣлъ прямо въ глаза каждому, что поляки по справедливости и называли *wielkim charakterem*. Наконецъ, оставшись недовольными Радзивиломъ, вторично предложили Хлопицкому быть диктаторомъ, но ни просьбы, ни угрозы долго его не могли склонить на ихъ предложенія, когда же всѣ присягали и клялись въ повиновеніи, то онъ согласился принять предложеніе съ тѣмъ, чтобы пользоваться неограниченною властью. Не долго однако продолжалась покорность: опять нашли, что онъ дѣйствуетъ не въ ихъ духѣ, и смѣнили его, — Радзивила сдѣлали главнокомандующимъ, а правленіе вручили четверемъ избраннымъ членамъ князю Чарторижскому, Пацу и друг.

Хлопицкій же, которому надоѣли всегдашнимъ названіемъ измѣнника, рѣшился вступить въ войско простымъ солдатомъ; въ Гроховскомъ дѣлѣ онъ находился при Радзивилѣ, былъ раненъ въ ногу и, бывъ доволенъ симъ случаемъ, уѣхалъ въ Краковъ и уже болѣе не былъ на сценѣ происшествій.

Въ продолженіе этого времени было уже нѣсколько сраженій, и не смотря на знамена, которыя поляки старались оставлять нашимъ войскамъ съ надписью: „за вашу и нашу волю“, русскіе все подвигались впередъ; предположеніемъ мятежниковъ было отослать турецкому султану, съ депутаціей, знамена, находившіяся въ Варшавѣ, взятыхъ русскими у турокъ въ 1828 г. и присланныя императоромъ цесаревичу, но не успѣли они исполнить этого намѣренія, потому что русскіе были уже близъ Варшавы со стороны Праги. Лагерь нашихъ войскъ и польскихъ былъ у насъ передъ глазами,—вдругъ мы услышали кононаду со стороны Вислы; окна были для насъ свободны и мы могли

видѣть вблизи всѣ дѣйствія корпусовъ князя Шаховскаго и Круковецкаго; сраженіе продолжалось возлѣ Бялоленки, до позднихъ сумерекъ, и батальнаго огня каждая искра была намъ видна. На другой день утромъ тамъ же началась опять перестрѣлка,—Круковецкій препятствовалъ соединиться корпусу князя Шаховскаго съ главною арміею; сраженіе продолжалось до 10 часовъ. Главкомандующій, опасаясь за кн. Шаховскаго, началъ сраженіе съ главною польскою арміею, которая, какъ выше сказано, была у насъ передъ глазами; канонада была жестокая, не проходило секунды безъ выстрѣловъ отъ 10 часовъ до 2-хъ часовъ пополудни; положеніе обѣихъ армій намъ казалось одинаково; наконецъ, въ городѣ сдѣлался ужасный шумъ, начали заперать лавки, всѣ суетились, бѣжали изъ одной улицы въ другую съ крикомъ: „Czemu się nie zdać się, Moskali już na Wiślic“!

Всѣ извозчики были заняты перевозкою раненыхъ отъ поля сраженія въ госпитали, многіе изъ нихъ были безъ рукъ и безъ ногъ; это еще болѣе увеличивало ярость и бѣшенство находившихся въ городѣ. Въ это время польская армія была въ самомъ величайшемъ безпорядкѣ, косинеры, составлявшіе у нихъ резервы, всѣ были на Вислѣ и, побросавши косы, бѣжали чрезъ рѣку; ледъ былъ некрѣпокъ, многіе утонули; прочее войско ретировалось по мосту въ безпорядкѣ, артиллерія, кавалерія, пѣхота, обозы—все выстѣ.

Пальба окончилась въ четыре часа. Надобно было быть въ нашемъ положеніи, чтобы вообразить нашу радость, имѣя надежду на освобожденіе, и горестъ, видѣвши надежду нашу не исполненною!

Все польское войско, исключая малаго числа оставленнаго при укрѣпленіяхъ Праги, было въ Варшавѣ; передняя же часть Праги была занята нашими егерями 49 и 50 полковъ.

Новый страхъ для насъ: войско въ городѣ безъ всякой дисциплины, ожесточенное противъ русскихъ, тѣмъ болѣе при неудачѣ сраженія,—но и на сей разъ Богъ насъ миловалъ; вечеромъ артиллерія, оставшаяся въ Прагѣ при укрѣпленіяхъ, желая очистить мѣсто полету ядеръ и гранатъ и, кромѣ того, видѣвши нашихъ егерей вблизи себя, открыла огонь, чтобы сжечь дома, препятствовавшіе полету ядеръ въ наше войско, и намъ съ высоты открылась картина ни съ чѣмъ несравненная: всѣ дома въ Прагѣ были въ пламени; при темной ночи это былъ

видъ чрезвычайный и вмѣстѣ ужасный. Цѣлую ночь продолжался пожаръ и на другой еще день остатки домовъ продолжали горѣть.

Для поддержанія духа, поляки говорили, что русскіе жгутъ Прагу.

Поляки, полагая, что войско русское, находящееся у насъ въ виду, можетъ имѣть съ нами объясненія посредствомъ знаковъ, на другой день сраженія, слѣдовательно 14-го (26-го) февраля 1831 г., вечеромъ перевели насъ всѣхъ въ Брюлевскій домъ; не зная гдѣ насъ помѣстятъ и могу ли я взять съ собою жену, я просилъ ее занять опять ту квартиру, которая была ею занимаема, но она ежедневно приходила ко мнѣ для свиданія, и когда караульные ее не хотѣли пускать, то она обыкновенно ходила къ военному генералъ-губернатору Круковецкому и приносила письменное позволеніе со мною видѣться ¹⁾).

Войска наши отступали отъ Праги, поляки же, находясь въ городѣ, ежедневно приводили полки на Саксонскую площадь комплектовать ихъ рекрутами. Все это дѣлалось съ большою торопливостью, появлялись полки въ новомъ обмундированіи, вновь сформированные, которыхъ мы прежде не видали, и дѣлали ученія въ виду нашемъ.

Наконецъ, къ счастью нашему, они рѣшили вывести насъ изъ Варшавы въ м. Вольборжъ, въ 18-ти миляхъ разстоянія, 6-го марта 1831 года. Жена осталась на квартирѣ вмѣстѣ съ женою Фовицкаго 2-го. При проѣздѣ чрезъ города и мѣстечки мы терпѣли жестокія оскорбленія и ругательства; въ городѣ Равѣ стрѣляли изъ оконъ въ знакъ восхищенія, что такъ много взяли русскихъ плѣнныхъ, не зная того, что мы лишены свободы самымъ низкимъ способомъ. Пріѣхали мы въ Вольборжъ 10-го марта; помѣстили насъ въ домѣ примаса, который впоследствии обращенъ былъ въ казармы 2-го конно-егерскаго полка; въ этомъ домѣ ссыпанъ былъ овесъ, принадлежащій полку, гдѣ

¹⁾ Супруга Андрея Оедоровича Лишина, рожденная княжна Голицына, была исполнена твердости духа, мужества и самоотверженія необыкновеннаго. Тщетно, между прочимъ, скрещивали предъ нею штыки часовые у входа къ генералъ-губернатору: одушевленная сознаниемъ своего долга, она безстрашно отстраняла отъ себя штыки и, входя къ Круковецкому,—убѣждала его удовлетворять ея просьбы.

наши офицеры, во время пребыванія нашего тамъ, лежали на соломѣ, которой не было даже достаточно.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца 1831 года привели къ намъ сорокъ человѣкъ плѣнныхъ офицеровъ (изъ числа коихъ былъ и Петръ Нестеровичъ Ярошевскій), взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Велькимъ Дембомъ и при отступленіи. Удачное для поляковъ сраженіе и отступленіе Литовскаго корпуса къ Брестъ-Литовску возвысило духъ поляковъ и оживило ихъ новою бодростью и самонадѣянностью; при проѣздѣ ихъ изъ Варшавы въ Вольборжъ они повсемѣстно жителями были встрѣчаемы съ восторгомъ, въ томъ же м. Равѣ были они размѣщены умышленно квартирами на площади; ввечеру городъ былъ иллюминированъ, на площади горѣли смолиныя бочки, и городъ былъ оглашаемъ всеобщей радостію и крикомъ: „Zwycięstwo Polaków i klęska Moskali! Wiwat!“.

Нѣкоторые изъ офицеровъ зашли въ кондитерскую изъ любопытства, гдѣ находилось нѣсколько приглашенныхъ поляками дамъ, которыя пѣли патріотическія пѣсни; офицеры вели себя съ приличнымъ положенію своему спокойствіемъ и благоразуміемъ; одна дѣвушка, которой очередь доставалась пѣть революціонныя пѣсни, сказала, что она видитъ первый разъ русскихъ, и что они совсѣмъ не похожи на тѣхъ, какими ихъ описывали и представляли, почему и даетъ слово никогда болѣе не пѣть ничего худаго на счетъ ихъ, и когда ее просили, она всегда твердила: „Jak tamę Kocham, nie będę spiewać“.

Горестъ наша еще болѣе усилилась при привозѣ такого числа плѣнныхъ и видѣвши, что такъ долго продолжается кампанія, трудно было предвидѣть конецъ по неблагопріятнымъ извѣстіямъ, которыя поляки сообщали намъ, чтобы болѣе огорчить насъ.

Къ нашему несчастію присоединилась холера, отъ которой, многіе изъ нашихъ сотоварищей пострадали, находясь съ нами въ сосѣднихъ комнатахъ, но Провидѣнію угодно было и отъ сего бѣдствія спасти насъ.

Казармы, гдѣ мы были расположены, находились въ 100 саженьяхъ отъ мѣстечка. Не имѣя достаточно провизіи, многіе изъ насъ просили коменданта, подполковника Шерцеля, позволенія имѣть столъ въ мѣстечкѣ, куда мы и отпускались по билетамъ; было положено являться обратно въ казармы въ 6 часовъ, иначе

косинеры ловили офицеровъ самымъ неучтивымъ образомъ и приводили на гауптвахту; нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ заставляли за собою долго бѣгать косинеровъ, они ловили ихъ со всѣхъ сторонъ, и это было презабавно смотрѣть: совершенно въ родѣ охоты. Отъ офицеровъ польскихъ также мы переносили большія неудовольствія и пустыя угрозы.

Комендантъ нашъ, какъ упомянуто, былъ подполковникъ ветерановъ—Шерцель; обращеніе его съ нами соотвѣтствовало слухамъ, которые до него доходили на счетъ положенія ихъ войскъ,—иногда хорошо, а иногда худо, но, впрочемъ, по власти, которую онъ имѣлъ надъ нами, въ его волѣ было намъ дѣлать гораздо большія оскорбленія, но онъ предвидѣлъ, какой конецъ будетъ войны и потому поведеніе его въ отношеніи насъ было двучинное, смотря по обстоятельствамъ и по ходу военныхъ дѣйствій. Между нами были нѣкоторые товарищи, которые не имѣли столько характера, чтобы рѣшительно перейти въ польскія войска, но принимали участіе въ ихъ положеніи, и слѣдственно нами пренебрегали и вели себя въ отношеніи насъ черезъ чуръ учтиво; въ сущности же они не имѣли къ намъ добраго расположенія.

IV.

17 (29) апрѣля 1831 г. въ Страстную пятницу я былъ обрадованъ прїездомъ ко мнѣ жены; въ Варшавѣ было отдано приказаніе жителямъ не держать никого у себя изъ русскихъ дамъ; иначе ихъ будутъ считать измѣнниками, а дамъ выбросятъ за заставу; жена моя, которой характеръ и твердость ни въ какомъ несчастномъ случаѣ ее не оставляли, рѣшилась просить у военнаго генералъ-губернатора паспорта, съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Вольборжъ, и въ 24 часа проѣхала разстояніе 18 миль на почтовыхъ и явилась ко мнѣ; съ этихъ поръ мы были неразлучны.

Въ одинъ вечеръ, когда уже мы легли спать, приходитъ ко мнѣ человекъ, будить меня, говоря: „что-то худое слышно, говорятъ, будто-бы сегоднешнюю ночь косинеры хотятъ насъ вырѣзать“; я одѣлся, выхожу на дворъ, и вижу, что всѣ наши офицеры толпами стоятъ на дворѣ съ палками въ рукахъ,—всѣ наши при-

готовились къ защитѣ. Слухъ пронесся отъ женщины, у которой имѣли столъ нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ, и она прислала своего сына сказать о намѣреніи косинеровъ; чрезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли, что караулъ косинеровъ еще прибылъ, и когда они шли сквозь ворота, то косы ихъ, цѣпляясь за сводъ оныхъ, при общемъ страхѣ, производили самое непріятное для насъ ощущеніе; мы рѣшились идти къ коменданту и сказать ему, что ежели хотятъ насъ рѣзать, то скорѣе бы кончали, потому что подобное положеніе хуже и несноснѣе самой смерти; онъ намъ отвѣчалъ, что по общему распоряженію въ Царствѣ Польскомъ эта ночь назначена, чтобы дѣлать розыскъ дезертировъ какъ польскихъ, такъ и русскихъ, и просилъ насъ успокоиться и разойтись по мѣстамъ; но мы хотя и разошлись, однако каждый былъ готовъ на защиту, имѣя огромныя суковатныя можжевеловыя палки съ собою неразлучно. До жителей же Вольборжа дошелъ слухъ будто бы русскіе плѣнные посягаютъ на ихъ жизнь, и когда наши офицеры пришли къ нимъ, по обыкновенію, обѣдать на другой день, то они выговаривали, за что мы противъ нихъ имѣли такія намѣренія, и потому общій страхъ произошелъ отъ обоюднаго недоразумѣнія. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, Мак..., имѣлъ характеръ самый неспокойный, искалъ случая къ каждому придирается и 9 человекъ вызвалъ на дуэль, и общалъ раздѣлаться по окончаніи войны (съ нами оружія не было); во время же того происшествія, онъ также показалъ много характера и храбрости, спрятавшись въ бочку, въ которую стекала дождевая вода, и просидѣлъ тамъ 24 часа, наконецъ понемногу началъ высовывать голову,—можно себя представить нашъ хохотъ; этотъ случай былъ ему урокомъ и онъ сдѣлался гораздо спокойнѣе. Другой офицеръ, Опалинс..., воображая, что уже рѣжутъ, выскочилъ изъ окна и попалъ прямо на голову часового косинера, и оба были въ большомъ страхѣ. Прошло нѣсколько времени послѣ этого происшествія, и мы всѣ оставались въ надеждѣ освобожденія. Наконецъ, читаемъ въ газетахъ, которыя обыкновенно получалъ комендантъ, что народный сеймъ, узнавши о поступкахъ казаковъ въ Литвѣ, въ м. Ошмянахъ, предложилъ вопросъ для рѣшенія большинства голосовъ, должны-ли они за своихъ земляковъ, которые страдаютъ въ Литвѣ, мстить русскимъ плѣннымъ и какимъ образомъ? При общемъ рѣшеніи

нашей смерти, между двумя депутатами вышелъ споръ: утопить насъ, или повѣсить. Съ ужасомъ дожидали мы другой почты, которая, наконецъ, приходитъ и мы съ любопытствомъ старались узнать, какого рода смерть должна насъ постигнуть, но, въ нашему восхищенію, большинство голосовъ было въ нашу пользу и первый, кто подаль голосъ противъ этого звѣрскаго намѣренія, былъ депутатъ сейма Воловскій, котораго имя мы благоговѣяли.

Въ это время слухъ дошелъ до коменданта, что русскія войска переправились черезъ Вислу; опасаясь, чтобы насъ не освободили, онъ сдѣлалъ сношеніе съ начальствомъ, чтобы насъ перевести далѣе; вышло рѣшеніе и мы отправились 8 іюля 1831 г. въ Лубницу; бѣдная жена моя, на другую недѣлю послѣ родовъ, пролежавъ все это время на деревянной солдатской койкѣ, насланной соломой, также должна была ѣхать; въ дорогѣ мы были 6 дней,—проѣзжая города и мѣстечки мы, по прежнему, переносили ругательства и поношенія; общій голосъ: „отчего ихъ не повѣсятъ? правда, они не стоятъ веревки, ихъ всѣхъ надобно утопить, привязавъ камень на шею“¹⁾! Тѣхъ изъ насъ, которые не имѣли средства нанимать себѣ квартиру на ночлегъ, запирали въ одну комнату, для того, чтобы болѣе насъ подвергать посмѣянію черни; съ нами былъ полковникъ Фовицынъ, который былъ женатъ на Косецкой, бывшей женѣ польскаго генерала. Въ Столбницѣ мы остановились; многіе изъ поляковъ подошли къ ней и, узнавъ ее, начали поносить самыми постыдными словами, упрекая, что она вышла замужъ за русскаго,—это ее огорчило до такой степени, что она заболѣла и когда мы пріѣхали въ Лубницу, то она на другой день померла; комендантъ, полагая, что она была больна холерою, велѣлъ ее завернуть въ простыню, и прежде, чѣмъ она успѣла охолодѣть, положили ее на возъ, покрыли соломой и зарыли въ землю.

¹⁾ При проѣздѣ чрезъ г. Кѣльцы, гдѣ находилось множество польскихъ войскъ и свирѣпствовала холера, встрѣтили мы русскихъ плѣнныхъ солдатъ, обреченныхъ поляками на жертву прибравъ и хоронить тѣла холерныхъ. Солдаты наши переносили это равнодушно, надѣясь на Божій промыслъ и, перевоза холерныхъ, ни одинъ не заразился; случайно, они возили ихъ всегда на бѣлой лошади, отъ чего у поляковъ вошло въ пословицу, при изъясненіи кому нибудь своего неудовольствія: „Żebyś moskalem przyjechał na białym koniu, tych Hunswolęw nie nie benzie“.

Привезли насъ въ замокъ, принадлежавшій графу Потоцкому, но въ которомъ 35 лѣтъ никто не жилъ, совершенно пустой; вблизи не было ни одной хижины. Въ продолженіе 3-хъ дней мы рѣшительно не имѣли куска хлѣба, но жида изъ сосѣдняго города Сташева узнали, что мы близко, привезли намъ провізію и мы вообще въ продолженіи всего нашего заточенія считали ихъ нашими благодѣтелями; отъ нихъ мы имѣли вѣрныя свѣдѣнія о положеніи нашего войска, и они намъ во всемъ благопріятствовали;—изъ газетъ же мы правды не могли узнать, потому что поляки, для поддержанія духа націи, все писали въ свою пользу; когда же они не могли иногда скрыть потерю сраженія, то писали, что *nasi musieli się zretygować ale z wielką energią i zarałem*.

Слухъ дошелъ до насъ, что отрядъ генерала Красовскаго переправился черезъ Вислу въ Завихвостѣ; мы были въ восхищеніи, полагая, что скоро насъ освободятъ, но все противилось нашему желанію: приказано насъ опять перевести 27 іюля въ м. Опатовецъ надъ Вислой, въ 40 верстахъ отъ Кракова.

Партія наша раздѣлена была на двѣ части; въ первой партіи, которая была отправлена прежде, было нѣсколько офицеровъ женатыхъ, съ нами же, во второй партіи, былъ комендантъ. Первая партія прибыла въ Новое мѣсто и, не зная своего назначенія, оставалась насъ дожидаться; здѣсь они имѣли много непріятностей, говорили имъ: „кровь у насъ кипитъ, когда видимъ москалей; неужели вы думаете, что вы увидите вашихъ земляковъ,—развѣ на томъ свѣтѣ; васъ ведутъ нарочно ближе къ Вислѣ, чтобы потопить, какъ собакъ“. По прибытіи нашей партіи, всѣ поѣхали дальше; темная ночь, дождь, худая дорога, по которой ѣхавши нѣсколько разъ опрокидывались, словомъ—все способствовало дѣлать наше положеніе болѣе и болѣе несноснымъ; наконецъ, доѣхали мы кое-какъ до Опатовца,—мѣстечко, гдѣ было назначено наше пребываніе. Было уже за полночь, огня нигдѣ не было видно, кромѣ корчмы; подъѣзжаемъ мы къ ней, я вхожу и вижу въ сѣняхъ хлѣвъ, въ первой комнатѣ виситъ до половины ободранный волъ, съ котораго текла кровь, во второй комнатѣ, также безъ полу, продавали водку; я упротилъ хозяина позволить намъ переночевать; ввожу я жену и ребенка въ первую комнату; можно вообразить, какое на нее сдѣлали

впечатлѣніе чистота и опрятность нашей квартиры; внесли намъ мокрыхъ гороховинъ, на которыхъ мы провели остатокъ ночи; нѣсколько разъ приходили мужики и стучали, чтобы ихъ впустили пить водку,—арендаторъ для своей выгоды никому не отказывалъ. Проснувшись, мы увидѣли полную комнату мужиковъ, которые шумѣли, не обращая на насъ никакого вниманія; многіе изъ нихъ курили трубки, я хотѣлъ ихъ просить, чтобы они перестали, потому что жена страдала жестоко головою болью; она, опасаясь, чтобы они мнѣ не сдѣлали грубости, попросила ихъ сама перестать курить; они отвѣчали: „что за пустяки, кто намъ запретить! гдѣ водку пьютъ, тамъ и трубки курятъ“. Находясь въ невозможности оставаться съ семействомъ въ этомъ хлѣву, я просилъ коменданта назначить мнѣ другую квартиру; показали мнѣ почти такую же, на которой оставались мы нѣсколько дней, но товарищи, видя всѣ невзгоды, которыя я съ семействомъ переносу, предложили мнѣ взять ихъ квартиру, сами же помѣстились въ сараѣ. Эта послѣдняя хотя также была безъ полу, но, однако жъ, была сноснѣе прежнихъ; на ней оставались мы до конца нашего заточенія.

Войскъ польскихъ вблизи насъ расположено не было, но молодые люди, проѣзжая въ армію изъ Галиціи и Кракова, не пропускали случая дѣлать намъ непріятности. Мѣстечко наше находилось на самомъ берегу Вислы, на другой сторонѣ была Галиція и австрійскіе часовые занимали посты; нѣсколько разъ мы разговаривали съ австрійскими офицерами, которые иногда собирались на противной сторонѣ Вислы,—просили ихъ, чтобы они доставили намъ средство освободиться изъ плѣна, но они отвѣчали, что они сохраняютъ строгій нейтралитетъ и не могутъ способствовать нашему намѣренію; комендантъ, узнавъ о нашихъ разговорахъ, запретилъ намъ ходить на берегъ рѣки; съ горя собирались мы подъ навѣсомъ дома и пѣли заунывные пѣсни, но и тутъ жена экзекутора на насъ сердилась и присылала своего мужа объявить намъ, что ежели мы еще будемъ wrzeszcze, то насъ запрутъ въ погребъ, зараqują do lochu.

Извѣстія до насъ доходили чрезъ газеты варшавскія и краковскія самыя непріятныя, потому что поляки никогда не писали правды, стараясь тѣмъ поддерживать всячески хорошее мнѣніе въ народѣ о дѣлахъ ихъ войска. Резервы ихъ, нахо-

дившіеся въ Краковскомъ воеводствѣ, имѣли неоднократно гибельныя для насъ намѣренія; узнавши ложно, что будто-бы у насъ скрыто оружіе по близости, у мельника, они послали отрядъ удостовѣриться и, ежели бы была хотя тѣнь правды, какъ они послѣ сказывали, то поступили бы съ нами, какъ съ бунтовщиками противъ народнаго правительства.

Въ это самое время въ Варшавѣ происходили ужасныя буйства: не проходило дня, чтобы нѣсколько человѣкъ не повѣсили; одного казака, взятаго въ плѣнъ, поставили возлѣ столба, привязали ему веревку за ноги и тянули вверхъ, а сабельные удары окончили жизнь несчастнаго. Въ тотъ самый замокъ, въ которомъ мы содержались до выѣзда нашего изъ Варшавы, были посажены многіе изъ начальниковъ польскихъ войскъ, которые, по мнѣнію мятежниковъ, были будто-бы измѣнниками отечества, именно потому, что одинъ изъ нихъ не разбилъ корпусъ Ридигера, который, по ихъ мнѣнію, можно было уничтожить, другой не подоспѣлъ къ нему на помощь, не соображая обстоятельствъ, которыя могли быть тому препятствіемъ; рѣшено было ихъ считать измѣнниками и взять подъ арестъ. Въ городѣ жила полковница Бажанова, которой поляки прежде позволили остаться, а послѣ начали подозрѣвать будто-бы она имѣетъ сношеніе съ русскими,—ее взяли подъ арестъ; 4-го класса чиновникъ Феньшъ, за то, что онъ русскій, посаженъ туда-же, и многихъ другихъ по подозрѣніямъ арестовали въ замкѣ; собрано ихъ было тамъ болѣе 200 человѣкъ; въ одинъ вечеръ толпа вламывается въ замокъ, въ покои, гдѣ содержались арестанты, и начиная отъ перваго до послѣдняго умертвили самымъ мученическимъ образомъ. Въ числѣ ихъ была и несчастная Бажанова, у которой въ комнатѣ въ то время находилась ея 15-ти лѣтняя дочь; услышавши шумъ, мать заставила ее спрятаться подъ кровать; вбѣгаютъ въ ея комнату, начинаютъ ее ругать поносными словами и одинъ ее ударилъ саблею; Бажанова, будучи довольно сильной женщиной, отвѣчала ему ударомъ руки; въ это время всѣ на нее напали, начали рубить саблями, наконецъ схватили за волосы и повлекли съ третьяго этажа; дочь ея тащилась за нею, уцѣпившись за ноги; на дворѣ мать умертвили самымъ наглымъ образомъ, дочь получила двѣ раны сабельными ударами; одинъ изъ поляковъ ее спасъ.

Всѣ тѣла собрали въ одну залу и весь народъ, въ продол-

женіе нѣсколькихъ дней, ходилъ любоваться на эти невинно-погибшія жертвы. По окончаніи убійствъ въ замкѣ, вся толпа съ неистовымъ крикомъ бросилась къ Вельской заставѣ,—тамъ въ тюрьмѣ многіе содержались за долги, другіе по подозрѣніямъ; чернь поставила всѣхъ въ одну шеренгу и отъ перваго до послѣдняго всѣхъ изрубили. Полагаютъ, пружиною всему этому происшествію былъ Круковецкій, который, будучи смѣненъ съ мѣста военнаго губернатора, хотѣлъ чрезъ этотъ поступокъ показать усердіе свое націи, и дѣйствительно на другой день его провозгласили военнымъ губернаторомъ. Сколько усерднѣйшихъ молитвъ принесли мы Всевышнему Творцу, что полякамъ пришла мысль вывезти насъ изъ Варшавы; мы прежде были помѣщены въ томъ же мѣстѣ, гдѣ были эти несчастныя жертвы, и насъ, вѣроятно, постигла бы подобная имъ участь.

Наконецъ, одинъ день почты прошелъ и курьеръ не пріѣзжалъ по обыкновенію въ Краковъ, другой день тоже—мы догадались, что коммуникація съ краковскимъ воеводствомъ должна быть пресѣчена и что наши, вѣроятно, окружили Варшаву; панъ бурмистръ и панъ эзекуторъ сдѣлались съ нами немного ласковѣе,—недѣли двѣ прошло и мы никакого рѣшительно извѣстія не имѣли ни о нашихъ, ни о непріятельскихъ дѣйствіяхъ. Въ одинъ день, утромъ, услышали мы выстрѣлы, въ прямой линіи отъ насъ по дорогѣ къ Кѣльцамъ—то было дѣло съ ворпусомъ Ружицкаго; мы долго вслушивались, опасаясь, что поляки, ретируясь, или насъ заберутъ съ собою или съ досады уничтожатъ, но, къ счастью нашему—они были преслѣдованы безостановочно къ Кракову и нашъ уголъ остался свободнымъ единственно потому, что въ Новомъ мѣстѣ казаки уничтожили паромъ по дорогѣ къ Онатовцу; другой день провели мы въ надеждѣ скораго освобожденія, но привыкши въ продолженіе 10-ти мѣсячнаго заключенія ежеминутно дрожать, опасались переменъ обстоятельствъ, полагая, что конца нашему заточенію никогда не послѣдуетъ.

Въ 10 часовъ вечера мы слышимъ шумъ на улицѣ, смотримъ чтó такое—наши офицеры бѣгаютъ и сообщаютъ другъ другу радостную вѣсть, что казаки въ двухъ верстахъ—въ деревнѣ Роговѣ.

Надобно было быть въ нашемъ положеніи, чтобы вообразить радость, нами испытанную; въ продолженіе цѣлой ночи мы ходили поздравлять другъ друга съ освобожденіемъ; жена моя вы-

сунулась изъ окна, и отъ радости начала смѣяться, наконецъ я удостовѣрился, что то былъ истерическій смѣхъ и я поспѣшилъ помочь ей. Другія дамы въ предосторожность пили померанцовый цвѣтъ. На другой день пріѣхалъ взводъ казаковъ Ильина полка, подъ командою свитскаго офицера поручика Милюновскаго, отобралъ оружіе отъ солдатъ, которые за нами имѣли надзоръ, и объявилъ намъ свободу, спрашивая у насъ, не имѣемъ ли на кого злобы, чтобы отблагодарить нашихъ пріятелей, но мы были великодушны и не показали ни одного изъ тѣхъ, которые-бы по настоящему стоили благодарности казацкой; комендантъ нашъ предлагалъ офицеру свою шпагу, но онъ ее не взялъ и хотя не искренно, но однакожъ раздѣлялъ нашу радость, повторяя: *czyż to mogło kiedy być żeby Polacy zwyciężyli Rossian.*

Распоряженіе было сдѣлано, чтобы забирать подводы для отправления насъ въ м. Стобницу, равно также приказаніе было отдано бурмистру, чтобы чрезъ два часа все оружіе, пики и косы были собраны въ одно мѣсто,—бурмистръ, неизвѣстно по какой причинѣ, этого не исполнилъ, за что и получилъ вознагражденіе отъ казаковъ, а такъ какъ онъ былъ изъ числа прітѣснителей нашихъ, то мы были очень довольны, радуясь, однакожъ, что не мы были причиною непріятностей, которыя онъ потерпѣлъ отъ нагаекъ.

На другой день мы выѣхали въ м. Стобницу, гдѣ остались восемь дней. Здѣсь мы увидали польскихъ плѣнныхъ, которые находились въ такомъ же положеніи, какъ мы за нѣсколько тому дней, и тѣхъ самыхъ, которые въ Вольборжѣ намъ дѣлали много непріятнаго; но мы сами находившись въ такомъ положеніи за три дня назадъ, не хотѣли имъ дѣлать никакихъ упрековъ, которые бы могли еще болѣе увеличить горестъ ихъ положенія. Какая превратность судьбы,—мы могли теперь имъ дѣлать неудовольствія, а за три дня жизнь наша была въ ихъ рукахъ!

Между прочими плѣнными находился полковой командиръ косинеровъ, содержавшихъ караулъ при насъ въ м. Вольборжъ, который намъ дѣлалъ наиболѣе непріятностей; онъ былъ жестоко израненъ—имѣлъ 15-ть ранъ; мы тронуты были его положеніемъ и, забывая причиненныя имъ намъ оскорбленія, съ согласія конвоя, взяли его и нѣкоторыхъ болѣе изувѣченныхъ

офицеровъ на поруки, и когда призвали доктора, чтобы осмотрѣть израненнаго полковника и пособить ему, онъ находился въ совершенномъ отсутствіи чувствъ; ему пустили кровь, онъ пришелъ въ себя и видя, себя окруженнымъ русскими офицерами, старающимися оказывать ему всевозможную помощь и угожденіе, онъ былъ тронутъ до слезъ, и сказалъ, что теперь только чувствуетъ вполнѣ свою несправедливость къ русскимъ и не заслуживаетъ попеченій, которыя мы ему оказываемъ, и что отъ сей минуты клянется любить русскихъ и ежели Богу угодно воздвигнуть его со смертнаго одра, то почтетъ себя счастливейшимъ, если усердною своею службою и преданностію государю загладитъ хотя отчасти несправедливые поступки, происшедшіе отъ патріотическаго фанатизма.

Въ разговорѣ съ нами одинъ изъ плѣнныхъ полковниковъ, между прочимъ намъ рассказывалъ, что когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ, то казакъ, отведя его въ сторону, спрашивалъ не имѣетъ-ли онъ денегъ; полковникъ отвѣчалъ: нѣтъ.

„Этого быть не можетъ; у полковника должны быть деньги“, и съ симъ вмѣстѣ началъ его осматривать; вынувши бумажникъ, находить польскія новыя ассигнаціи, спрашиваетъ ходятъ-ли онѣ; когда полковникъ отвѣчалъ, что у васъ не ходятъ, казакъ сказалъ: „ну, когда не ходятъ, то возьми ихъ себѣ“.

Послѣ казакъ вынулъ у плѣннаго табакерку съ портретомъ покойнаго государя и также хотѣлъ ее взять себѣ; полковникъ просилъ его не брать, увѣряя, что онъ государя всегда любилъ и желаетъ имѣть у себя на память, казакъ сказалъ: „Я тоже его очень люблю“—и положилъ въ карманъ; также поступилъ и съ бѣльемъ, о которомъ просилъ полковникъ, чтобы не отбирать, что жена его и то мало имъ снабдила,—казакъ отвѣчалъ: „А моя мнѣ ни одной рубашки не дала“ и тоже взялъ. Удовольствившись, что у плѣннаго полковника нѣтъ русскихъ денегъ, онъ видитъ на пальцѣ золотое кольцо и снялъ его, наконецъ видитъ на шинели застѣжки, спросилъ: „Это серебро? отдайте мнѣ, это вамъ не нужно!“ Полковникъ ему отвѣчалъ: „Я тебѣ отдамъ это, но возврати мнѣ кольцо, оно обручальное“.—„Нѣтъ, ужъ я возьму и то и другое“. Другой казакъ взялъ лошадей у офицера и когда тотъ просилъ его отдать ему, то казакъ ему предложилъ ихъ купить, назнача однакожъ умѣренную цѣну.

V.

Чрезъ нѣсколько дней мы отправились въ Варшаву, гдѣ представлялись великому князю Михаилу Павловичу; на спросъ его: „гдѣ твоя молодежь?“—я отвѣчалъ, что она въ краковскомъ воеводствѣ.

— Сходи къ генераль-губернатору и скажи моимъ именемъ, чтобы ихъ всѣхъ сюда собрали какъ можно скорѣе, и ты опять, возьми ихъ на свое попеченіе.

Чрезъ мѣсяцъ кантонисты всѣ были собраны.

Его императорское высочество приказалъ мнѣ назначить ихъ въ пять полковъ, которые были при покойномъ цесаревичѣ, и обмундировать ихъ по формѣ, которую его высочество лично мнѣ изволилъ объяснить, и велѣлъ представить къ себѣ на смотръ.

По окончаніи обмундировки и смотра его высочества, я предварилъ начальника штаба гвардейскаго корпуса, генераль-маіора Петра Ѳеодоровича Веймарна, о докладѣ его высочеству, что я желалъ бы, не выдавши такъ давно моихъ родныхъ, поѣхать въ отпускъ, на что на другой день получилъ повелѣніе, 1831 г. отъ 24-го числа октября мѣсяца, что его императорскому высочеству угодно, дабы всѣ военные кантонисты, подъ личнымъ моимъ надзоромъ, были препровождены въ С.-Петербургъ.

Неоднократно его высочество посѣщалъ отдѣленіе и всегда удостоивалъ меня своихъ ласкъ. Помня, что уже нѣтъ общаго нашего благодѣтеля цесаревича Константина Павловича, я, будучи ободренъ вниманіемъ ко мнѣ его высочества Михаила Павловича, осмѣлился его спросить—какая будетъ моя участь?

— „Ты мнѣ будешь нуженъ въ Петербургѣ, ты у меня будешь командовать этимъ же самымъ баталіономъ“.

По выступленіи гвардіи изъ Варшавы, я отправилъ жену, 25-го декабря 1831 года, въ Петербургъ, къ роднымъ, а самъ еще оставался въ Варшавѣ два мѣсяца. Наконецъ, по распоряженію варшавскаго военнаго генераль-губернатора графа Витта и по соизволенію Государя Императора, сообщенному, чрезъ военнаго министра, графу Витту, дабы я именно былъ при командѣ.

(это лестное для меня повелѣніе находится у меня въ копіи отъ 30-го ноября 1831 г.) я выступилъ 1-го февраля 1832 г. въ Петербургъ съ командою, былъ въ дорогѣ 2½ мѣсяца, прибылъ 14 апрѣля, представилъ государю императору и его высочеству ввѣренное мнѣ отдѣленіе кантонистовъ, и оно было найдено въ отличномъ видѣ; я удостоился личной благодарности его величества, поцѣлуя, получилъ чинъ штабсъ-капитана за отличіе и крестъ св. Владиміра 4 степени; его величество благодарилъ всѣхъ кантонистовъ и пожаловалъ имъ вторично денежное награжденіе.

Покаместъ находились нѣкоторые изъ кантонистовъ въ госпиталяхъ, по мѣрѣ выздоровленія я представлялъ ихъ его высочеству и отправлялъ въ полки. По окончаніи сдачи, его высочество приказалъ мнѣ предложить быть въ гвардейскомъ штабѣ старшимъ адъютантомъ; будучи приглашенъ, кромѣ того, милостивымъ отзывомъ начальника штаба, я остался въ ономъ 8 мѣсяцевъ; кромѣ обязанности старшаго адъютанта, я былъ назначенъ въ комитетъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Храповицкаго о раздѣленіи унтеръ-офицеровъ на классы и объ уменьшеніи сроковъ десяти-лѣтнимъ казеннымъ вещамъ.

Впослѣдствіи я уволенъ былъ въ отпускъ на 4 мѣсяца; возвратясь просилъ начальника штаба объ увольненіи меня отъ должности старшаго адъютанта по причинѣ увеличившейся боли глазъ, и его высочеству угодно было мнѣ сдѣлать другое назначеніе.

(Скобл. 20-го іюля 1870 г. А. О. Лишнякъ).

Примѣчаніе. Въ послѣдующей службѣ своей А. О. Лишнякъ былъ довольно долго командиромъ роты въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Здѣсь, въ бытность его въ школѣ—хотя въ другомъ отдѣленіи, именно въ кавалеріи, воспитывался М. Ю. Лермонтовъ, кн. А. И. Барятинскій, впоследствии фельдмаршалъ, Слѣпцовъ—герой Кавказа и другіе ¹⁾.

¹ Такъ какъ я былъ ротнымъ командиромъ отдѣленія пѣхоты въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а Лермонтовъ былъ въ числѣ воспитанниковъ кавалерійскаго отдѣленія школы, то я, — рассказывалъ намъ А. О. Лишнякъ, — мало замѣчалъ Лермонтова, а стихи его въ бытность его въ школѣ, до меня и не доходили. Тѣмъ не менѣе, помню, что наружность его была не привлекательна, росту небольшого, держался сутуловато, ноги были съ кривизной;—любопытно, что его тетюшка до того любила Михаила Юрьевича, что обыкновенно утромъ присылала своего человѣка въ школу будить племянника, дабы звукъ

Въ 1844 г., июля 29-го, полковникъ Лишинъ, будучи съ подпоручиками на берегу морскаго залива, усмотрѣлъ утопающаго, мгновенно и смѣло бросился въ волны, какъ былъ въ сюртукѣ и шинелѣ, и ловко плавая, подхватилъ утопавшаго подъ руку и спасъ его отъ неминуемой гибели. — «Отчего вы не сняли сюртука, вамъ было бы легче плыть?» спросили потомъ на берегу Лишина. — «А потому, что я опасался одуматься: если бы я сталъ раздѣваться, пожалуй, не бросился бы въ воду, — я вспомнилъ-бы, что у меня питеро дѣтей!»

Въ 1849 году А. О. Лишинъ назначенъ директоромъ Строительнаго училища, нынѣ Института гражданскихъ инженеровъ, на каковомъ посту оставался онъ двадцать два года.

20-го мая 1870 г. весьма душевно отпразднованъ былъ въ кругу друзей, сослуживцевъ и знакомыхъ, юбилей полулѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ директора строительнаго училища ген.-лейт. А. О. Лишина.

Однимъ изъ присутствовавшихъ, именно законоучителемъ училища, о. Михиломъ, была высказана справедливая оцѣнка многолѣтней дѣятельности А. О. Лишина на посту воспитателя юношества, при чемъ изъ самыхъ сердечныхъ выраженій высказано было, между прочимъ, что «въ А. О. Лишинѣ какъ учившіеся подъ его руководствомъ, такъ учащееся юношество всегда видѣли и впредь примѣръ порядка, трудолюбія, честности, гражданского мужества, благочестія».

Тогда же была собрана, по подпискѣ, сумма денегъ, которой, въ память юбилея, дано было назначеніе на поддержку бѣднымъ учащимся чрезъ посредство извѣстнаго зодчаго и техника тайн. сов. К. Л. Маевского, бывшаго профессоромъ въ Строительномъ училищѣ. («Русскій Инвалидъ» 1870 г., № 112, стр. 2-я). За время пребыванія во главѣ этого высшаго учебнаго заведенія А. О. Лишина при содѣйствіи инспектора А. К. Красовскаго и профессоровъ: К. К. Коковцева, Э. И. Жибера, П. А. Безналова, Гринма, Гедикса, К. А. Маевского—строительное училище дало русскому обществу нѣсколько весьма замѣчательныхъ, по дарованіямъ и обширнымъ свѣдѣніямъ, водныхъ и инженерныхъ, таковы: Д. Д. Соколовъ, (нынѣ директоръ этого института), А. Р. Гешвендъ, І. С. Китнеръ, Курофдовъ, Лукашевичъ, Султановъ, Цецольдъ, Э. И. Эвальдъ и другіе.

Ред.

барабана или трубы не встревожилъ и не пугалъ его при вставаніи. Всѣ мы смотрѣли на М. Ю. Лермонтова, въ бытность его въ школѣ конекской, какъ на самаго зауряднаго воспитанника. Никто не подозрѣвалъ, что это будущій великій поэтъ!

2-го февраля 1890 г.

А. Л.